

мого. Иными словами, о «сухой» констатации того, что кто-то (или что-то) просто обладает признаком качества, речи не идет.

Напротив, сообщение подается с некой эмоциональной окраской, что вполне объяснимо. Дело в том, что мы говорим исключительно о прилагательных в предикативной функции. Делая слово, сообщающее о качестве, сказуемым, т.е. одним из главных членов предложения, говорящий придает, несомненно, большую важность факту наличия этого качества. И не удивительно, что сам говорящий проявляет в данном случае свое участие. Именно это представляется нам наиболее логичным и, возможно, единственным объяснением, почему лексемы на *-aқи/-aқи* говорящие ханты переводят прилагательными то со значением неполного качества, то со значением сильной степени содержания качества, а то и вовсе со значением нейтрального наличия качества.

Наша точка зрения относительно эмоциональной окраски, вкладываемой в данные слова, основана на анализе переводов соответствующего языкового материала, а также – на объяснениях значений лексем на *-aқи/-aқи*, которые информанты давали автору настоящей статьи. Мы высказали данное предположение лишь с целью показать, что суф-

фикс *-aқи/-aқи* не является формантом, придающим значение неполного качества, как и значение сильной степени содержания качества. Он лишь показывает, что данное прилагательное является в предложении сказуемым (в грамматическом аспекте), а также то, что говорящий придает важность тому качеству, которое обозначается этим прилагательным (в лексическом аспекте). Для говорящего в этом случае качество имеет большую важность, чем если бы данное прилагательное имело бы, скажем, атрибутивную функцию и, следовательно, не оформлялось бы суффиксом *-aқи/-aқи*.

Таким образом, во-первых, в грамматическом плане не вызывает сомнений тот факт, что данный формант действительно является предикативным показателем, не способствующим изменению лексического значения слова. Во-вторых, в плане семантики суффикс *-aқи/-aқи* указывает на то, что определяемое качество имеет важность для говорящего. Вследствие этого информанты часто переводят лексемы на *-aқи/-aқи* с помощью русских прилагательных неполного качества или же прилагательных со значением сильной степени содержания качества.

Поступила в редакцию 19.04.2007

Литература

1. Терёшкин Н.И. Очерки диалектов хантыйского языка. М.-Л., 1961.
2. Steiniz W. Dialektologisches und Etimologisches Wörterbuch der Ostjakischen Sprache. Berlin, 1984.
3. Полевые записи Кузнецова П.М. Информант Панышина В.Е., Ханты-Мансийск, 2000.
4. Erdödi, Kecskeméti, Ein Märchen im Vasjagan-Dialekt des Ostjakischen // Ural-Altäische Jahrbücher. Bd. 42. Wiesbaden, 1970.
5. Хантыйско-русский словарь (васюганский диалект). Составитель М.К. Могутаев. Томск, 1996.

УДК 809.41/43; 809.44/45

Э.Р. Миндиярова

МОРФОЛОГО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ ПРИТЯЖАТЕЛЬНОСТИ В ХАНТЫЙСКОМ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ

Томский государственный педагогический университет

Грамматическая категория принадлежности, свойственная имени существительному как особой части речи, представлена как в хантыйском, так и в татарском языках. Эту грамматическую категорию для тюркских языков в свое время установил Н.К. Дмитриев и определил как «такую грамматическую категорию, которая выражает одновременно и предмет обладания, и лицо обладателя» [1]. Подобным же образом данная грамматическая категория определяется и в хантыйском языке. Категория принадлежности выражается несколькими способами: 1) морфологически, т.е. с

помощью особых морфем, так называемых аффиксов принадлежности, присоединяемых к основе существительного [1], например: в хан. *ǰ'ım* (брат-мой), в тат. *abj'em* (брат-мой); 2) морфологически-синтаксически, т.е. с помощью личных местоимений, находящихся в препозиции к определяемому, и соответствующих им аффиксов принадлежности, присоединяемых к концу названия предмета обладания, например: в хан. *mä ǰ'ım* (мой отец-мой), в тат. *minem atam* (мой отец-мой); 3) синтаксически, т.е. с помощью сочетания личных местоимений с названием предмета обладания, напри-

мер: в хан. *mä kat* (мой дом), в тат. *minem öi* (мой дом).

В данной работе рассматривается морфолого-синтаксический способ выражения категории притяжательности на примерах хантыйского и татарского языков в случаях, когда обладатель в единственном и множественном числе, а предмет принадлежности в единственном числе.

В хантыйском языке существуют следующие лично-притяжательные суффиксы существительных: ед. число обладателя, ед. число предмета принадлежности, 1-е л. – *-m* (*än'im* «моя сестра»), 2-е л. – *-n* (*än'in* «твоя сестра»), 3-е л. – *-l* (*än'il* «его сестра»); мн. число обладателя, ед. число предмета принадлежности, 1-е л. – *-öy*, *-öy* (*məñ än'öy* «наша сестра»), 2-е л. – *-tän*, *-tən* (*nəñ än'tän* «ваша сестра»), 3-е л. – *-täl*, *-təl* (*läy än'täl* «их сестра»). Систему притяжательных форм в хантыйском языке можно представить следующей таблицей [2]:

Таблица 1

Число и лицо обладателя		Число предмета принадлежности		
		ед.	двойств.	множ.
Ед.	1-е	<i>-m</i>	<i>-yläm, -ylam</i>	<i>-läm, -lam</i>
	2-е	<i>-n</i>	<i>-ylän, -ylan</i>	<i>-län, -lan</i>
	3-е	<i>-l</i>	<i>-yäl, -yal</i>	<i>-llä, -lla</i>
Двойств.	1-е	<i>-mən, -mən</i>	<i>-ylämən, -ylamən</i>	<i>-lämən, -lamən</i>
	2-е	<i>-tän, -tən</i>	<i>-yl'in, -ylin</i>	<i>-l'in, -lin</i>
	3-е	<i>-tän, -tən</i>	<i>-yl'in, -ylin</i>	<i>-l'in, -lin</i>
Множ.	1-е	<i>-öy, -öy</i>	<i>-ylöy, -yloy</i>	<i>-löy, -loy</i>
	2-е	<i>-tän, -tən</i>	<i>-yl'in, -ylin</i>	<i>-l'in, -lin</i>
	3-е	<i>-täl, -təl</i>	<i>-yläl, -yalal</i>	<i>-läl, -lal</i>

В татарском языке показателями принадлежности выступают аффиксы: для 1-го лица – *m/-im/, -em* (*arkam* «моя спина», *küzem* «мой глаз»); *-bız/, -bez/, -ebez/, -ibız* (*küzebez* «наши глаза», *arkabız* «наши спины»); для 2-го лица – *-ıñ/, -iñ/, -eñ* (*atıñ* «твоя лошадь», *küzey* «твой глаз»); *-igiz/, -egez/, -giz/, -gez* (*atıgiz* «ваши лошади», *arkagiz* «ваши спины»); для 3-го лица – *-i/, -e/, -si/, -se* (*arkası* «его спина», *atı* «его лошадь»); *-ları/, -läre/, -nari/, -näre* (*arkaları* «их спины») [3]. Систему притяжательных форм в татарском языке можно представить следующей таблицей [4]:

Таблица 2

Лицо обладателя	ед.	множ.
1-е	<i>-m, -im, -em</i>	<i>-bız, -bez, -ibız, -ebez</i>
2-е	<i>-ıñ, -iñ, -eñ</i>	<i>-giz, -gez, -igiz, -egez</i>
3-е	<i>-i, -e, -si, -se</i>	<i>-ları, -läre, -nari, -näre</i>

Сопоставляя таблицы 1 и 2, можно заметить, что лично-притяжательные форманты существительных в хантыйском языке в количественном отношении представлены больше – 27 аффиксов, в татарском языке данных формантов меньше – 6 аффиксов. Это связано с тем, что в таблице 2 не представ-

лены форманты двойственного числа, так как имя существительное в татарском языке имеет два числа: единственное и множественное.

Далее будут рассмотрены притяжательные формы существительных при единственном и множественном числе обладателя, единственном числе предмета принадлежности на примерах хантыйского и татарского языков (приводится дословный перевод на русский язык):

ед. ч обладателя,

ед. число предмета принадлежности

1-е лицо

хан. *mä tʃəkaem layallim*, тат. *min aramnı kötəm* «я сестру-мою жду»; хан. *mä mesam pam iwel*, тат. *minem şierem petʃən aʃı* «моя корова-моя сено ест», хан. *kat mä niñamna mustəm*, тат. *minem hatıñımnın öi matır* «дом моей жены-моей красивый»;

2-е лицо

хан. *kot nuñ tʃəkaen?*, тат. *kaya sinen arañ?* «где твоя сестра-твоя?», хан. *mä kojläm jotta nuñ ämran*, тат. *min sinen äteñne satıp-alasıñ kilä* «я хочу купить твою собаку-твою», хан. *mä wuyasıñ nuñ atʃın mä animna*, тат. *min kürdem sinen abıeñne minem aram belän* «я видел твоего брата-твоего с моей сестрой-моей»;

3-е лицо

хан. *mä wujalim juıy əñkal i aral*, тат. *min kürdem anıñ ätie belän änieñ* «я видел его мать-его и отца-его», хан. *jəy kasıl juıy kotʃkäl məyna*, тат. *alar anıñ piʃagıñ gh'irdä taptılar* «они нашли его нож-его на земле», хан. *juıy welwəl əpələñkalna*, тат. *yl yafı anıñ ätie häm änieñ belän* «он живет с отцом-ее и матерью-ее»;

мн. ч обладателя,

ед. число предмета принадлежности

1-е лицо

хан. *məñ ämpaw kola jəm*, тат. *beznen etebez bik əibət* «наша собака очень хорошая», хан. *jalmak jənat məñ katawa*, тат. *ylaytʃı beznen öiebezgə kerde* «вор вошел в наш дом», хан. *jəyən kasta məñ putəw*, тат. *yl taptı beznen aʃ savıʃıbizne* «она нашла нашу кастрюлю»;

2-е лицо

хан. *nəñ katatan allajı*, тат. *seznen öigez iske* «ваш дом старый», хан. *jəyən ujašta nəñ maʃınatan*, тат. *yl seznen maʃınagizni kürdä* «он видел вашу машину», хан. *jəy koikat inta nəñ kulən*, тат. *alarnın aʃaylary kilä seznen beleʃegez* «они хотят попробовать ваш пирог»;

3-е лицо

хан. *jəy öyäl iswəl*, тат. *alarnıki kızları elı* «их дочь плачет», хан. *qasınə kəstə jəy nipikəl* (*kasetä*), тат. *keʃe alarnıki gazetlarnı tabtı* «человек нашел их газету», хан. *jəy juıyontal məñ ninə mustam*, тат.

alarnıki urmanarı matyrlak beznekenen «их лес красивее нашего» [5–7].

В татарском языке личные местоимения имеют притяжательную форму, в хантыйском языке данной притяжательной формы у местоимений нет, вместо притяжательных местоимений используются личные местоимения (mä – я, mä – мой). В примерах из татарского языка, когда обладатель в ед. и мн. числе, а предмет принадлежности в ед. числе, лично-притяжательные фор-

манты соответствуют данным таблицы 2. В хантыйских примерах при мн. ч. обладателя, ед. числе предмета принадлежности лично-притяжательные суффиксы 1-го лица, представленные в таблице как -öy, -öy, в вышеприведенных примерах имеют следующий вид: -aw, -əw; лично-притяжательные форманты 3-го лица в некоторых примерах теряют -t. В остальных примерах хантыйского языка показатели притяжательности соответствуют таблице 1.

Поступила в редакцию 19.04.2007

Литература

1. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М., 1988.
2. Терешкин Н.И. Очерки диалектов хантыйского языка. М., Л., 1961.
3. Языки народов СССР. Тюркские языки. М., 1966. Т. II.
4. Сафиуллина Ф.С., Фатхуллова К.С. Татарский язык (интенсивный курс). Казань, 2001.
5. Татарско-русский словарь. Казань, 1950.
6. Мырина Д.Ф. Полевые материалы по васюганскому говору вах-васюганского диалекта хантыйского языка (Карагасокский р-н Томской обл.). 2005.
7. Терешкин Н.И. Словарь восточно-хантыйских диалектов. Л., 1981.

УДК 809.41/43; 809.44/45

В.В. Быкопя

ИДЕЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ/РОЖДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА СЕЛЬКУПОВ

Томский государственный педагогический университет

Заметное место в картине мира селькупов, т.е. в целостном глобальном образе мира занимает происхождение человека. Распространено мнение, что языковая картина мира создается прежде всего семантической организацией словарного состава языка. Но при изучении языковой картины мира, наряду с системными отношениями, в языке необходим учет глубинных компонентов, относящихся к его внутренней структуре. К таковой относят семантическую структуру слова, в которой выделяют «ближайшее» и «дальнейшее» значения. «Ближайшее» значение составляет семантическое ядро или семантический минимум. Языковая картина мира зависит также от образности языка, в чем находит выражение психология народа, его мировосприятие, мировидение, образ жизни [1, с. 168]. Обращение к семантическому ядру ряда лексем, относящихся к древнему пласту селькупской лексики, позволяет реконструировать фрагмент картины мира этноса, связанный с происхождением/рождением человека (селькупа). К этому пласту лексики относятся этнонимы, реконструированные известным этнографом Г.И. Пелих для XVI–XVII вв. [2;

3], а также этнонимы, зафиксированные томскими лингвистами в процессе полевой работы. Отражение мировидения этноса в той его части, которая связана с происхождением человека на самом глубинном уровне, находим как в этнонимах, так и в общепринятом делении этноса на «верховских» и «низовских».

С точки зрения семантической оппозиции верх/низ, модель мира, заложенная в противопоставлении *süsükum gula* 'верховские'/*tokl čueš čamšel čužel d'erk* 'обские низовские', не раскрывается. Эта связь относится к глубинным структурам сознания и в языке восстанавливается через этимологический и словообразовательный анализ.

Несколько предваряя дальнейшие рассуждения, отметим, что слова *süsüqo*, *söseku*, *sesög* < *sesögu* имели некогда значение 'человек', 'старший в роду', затем 'человек рода/фратрии *süsü*'. Они входят в качестве составляющего компонента в этноним *süsügula*, а также сохраняются в форме множественного числа, например *sesögla* «селькупы», и в форме родительного падежа *sesögän* 'селькупский'. На одном из этапов функционирования язы-